
Уютный детектив
Кольца, или Смерть в течение вечера
РЫНОК
Уехал по срочному делу, не ищи меня. в течение ?
Дело № 17-Б
Рынок. 1996 г.
Серия «Красный карандаш»
книга 15

Милана Панова

Кольца или Смерть в течение вечера

https://litres.ru/74726769
SelfPub; 2026

Аннотация

За шесть недель до свадьбы жених практикантки Кати, Глеб, уходит за обручальными кольцами и не возвращается. Через несколько дней приходит сообщение: «Уехал по срочному делу, не ищи меня». Катя сразу видит в нём ошибку, которую Глеб не сделал бы никогда. Корректор Нина Платонова, капитан Громов и кот Эклер идут по следу: ювелирная мастерская, городской архив, дело 17-Б о рынке за 1996 год, лишний номер на печати, умерший свидетель и вежливый чиновник, который «просто хочет помочь». До свадьбы остаётся совсем мало времени, а рынок собираются снести. Уютный ироничный детектив о любви, подделанных бумагах и о том, что запятая иногда спасает жизнь. Читать можно отдельно от предыдущих частей

Милана Панова
Кольца или Смерть в течение вечера

Кольца, или Смерть в течение вечера
Серия «Красный карандаш», книга 15

Глава 1. Кольца

Третьего января Н-ск выглядел так, как выглядит человек наутро после праздника: помятым, тихим и слегка виноватым. Снег на тротуарах серел, на ёлочном базаре у вокзала торговали последними хвойными лапами по цене носков, а из окон тянуло запахом холодного оливье.

Мы приехали первым утренним поездом: я, Андрей, Эклер в переноске и колечко с красным рубином, которое я всю дорогу, как школьница, поворачивала на пальце то так, то этак. Маргарита Викторовна осталась в «Берёзовой роще» с Матрёной Степановной и нотариусом, то есть с тем, что осталось от нотариуса, как мрачно выразился Андрей: оформлять фонд.

Катя ждала нас на перроне. Я увидела её издалека и сразу поняла: плохо. Она стояла под фонарём, в огромной белой куртке, похожая на снеговика, у которого отобрали морковку, и смотрела не на вагоны, а куда-то под ноги.

— Нина Сергеевна, — сказала она, когда мы подошли. Голос у неё сел до шёпота. — Простите. Я знаю, что у вас…

— Катя.

— …что вы только что…

— Катя, иди сюда.

Я обняла её, и она сразу уткнулась мне в плечо. Плечи у неё мелко дрожали, но она не плакала. Она, кажется, просто закончила плакать несколько дней назад и теперь ходила пустая.

— Рассказывай, — сказал Андрей, забирая у меня чемодан. — По порядку. Только в машине.

В машине, в стареньком «Фольксвагене», который Андрей одолжил у соседа, Катя говорила глухо, глядя прямо перед собой:

— В прошлую среду, двадцать девятого. Мы с Глебом договорились: он заберёт кольца у ювелира, а я в это время буду у портнихи на последней примерке. Потом встречаемся дома и вместе ужинаем. Платье, кольца, все дела. Через шесть недель свадьба. Четырнадцатое февраля.

— Знаю, — сказала я. — Ты мне приглашение показывала.

— Он вышел из дома в пять. Позвонил мне в половине седьмого, сказал: «Забрал, красивые, увидишь». Голос весёлый. А потом… — Она замолчала.

— Потом?

— Потом не вернулся.

Андрей, ведший машину, коротко глянул на неё в зеркало.

— Телефон?

— Выключен. С половины седьмого. Я звонила сто раз. Потом поехала к ювелиру, он сказал, что Глеб ушёл в шесть двадцать. Потом поехала к его маме, она сказала, что не видела. Потом в полицию.

— И что в полиции?

— Сказали: взрослый человек, двадцать пять лет, трое суток не прошло. Может, загулял перед свадьбой. — Катя сглотнула. — «Мальчишник, милая».

— А мальчишник был?

— Нет. Мы вообще отказались. Глеб говорил, что это глупая традиция.

Эклер, сидевший у меня на коленях, мягко ткнулся лбом Кате в локоть. Она вздрогнула, потом погладила его двумя пальцами, и я увидела, что на глазах у неё всё-таки выступили слёзы.

— Нина Сергеевна, он не мог просто уйти. Мы всё планировали. У нас уже куплены билеты в Карелию на медовый месяц. Мы зал оплатили, ведущего, торт. Он сам выбирал цветы. Он плакал, когда увидел платье на фото.

— Верю.

— А вчера мне пришло это.

Она достала телефон, открыла сообщение и протянула мне. Номер был незнакомый, из какого-то другого региона.

Время отправки: второе января, двадцать три сорок.

«Катя, не волнуйся. Я уехал в течении вечера по срочному делу. Свадьбу придётся отложить. Не ищи меня. Люблю. Г.».

Я прочитала. Потом перечитала. Потом ещё раз, медленно, как читаю любую рукопись, в которой что-то не так.

— Ты ответила?

— Позвонила. Абонент недоступен. Написала, он не читает.

— Ты показывала полиции?

— Показывала. Они сказали: вот видите, он жив-здоров, просто передумал.

— А ты что думаешь?

— Я думаю… — Катя подняла на меня глаза. — Нина Сергеевна, я думаю, вы заметили.

— Что именно?

— «В течении».

Я посмотрела на неё. Андрей в зеркале заднего вида приподнял брови.

— Он научил меня, — сказала Катя тихо. — Вернее, вы его научили. А он меня. Когда мы начинали встречаться, он показывал мне, как корректоры шутят. Рассказывал про «в течении» из вашей первой истории. Про убийцу, которого выдала одна ошибка. И сказал: «Если когда-нибудь мне придётся написать тебе, а я не смогу сказать правду, я напишу „в течении“. Это будет значить: мне плохо, не верь тексту».

— Господи, — сказала я.

— Мы тогда смеялись. Думали, это игра.

— А теперь?

— Теперь вот.

Машина остановилась на светофоре. Я смотрела на экран, на три слова, из которых одно было написано неправильно, и чувствовала, как по спине ползёт холод.

— Катя, — сказала я. — Глеб никогда не писал «в течении». Он вообще не делает таких ошибок. Он учился у лучших.

— Вот именно.

— Значит, это сообщение либо написал не он, либо он писал под давлением, но сумел передать знак.

— Я тоже так думаю.

— Тогда слушай меня внимательно. — Я вернула ей телефон. — Мы его найдём.

— Правда?

— Правда.

— Нина Сергеевна, — сказала Катя, и губы у неё задрожали. — Спасибо. Я думала, вы скажете: «Катя, не придумывай».

— Я никогда так не говорю.

— Я знаю. Поэтому и позвонила.

Андрей включил поворотник, развернулся и повёл машину в другую сторону, не к дому, а к центру.

— Куда мы? — спросила я.

— К ювелиру, — сказал он. — С него и начнём.

Глава 2. Беккер и сын

Ювелирная мастерская «Беккер и сын» помещалась в старинном двухэтажном доме на улице Рыночной, в двух кварталах от Центрального рынка. Над дверью висела вывеска с гравированным золотом: «Основана в 1911 году». Витрины были маленькие, тщательно протёртые, с кольцами, браслетами и часами на бархатных подушечках. За стеклом, у окна, сидел старик в чёрной кипе и очках-половинках и, склонившись над лупой, что-то выковыривал из часового механизма.

Звякнул колокольчик. Старик поднял голову.

— А, барышня Катя, — сказал он с лёгким акцентом. — Вернулись?

— Самсон Маркович, это Нина Сергеевна Платонова и капитан Громов. Они помогают.

— Очень приятно. — Он снял очки, потёр переносицу. — Я уже рассказал полиции. Дважды. Но расскажу и вам. Прошу, проходите.

Он провёл нас в заднюю комнату, где стоял тяжёлый стол, заваленный инструментами, лупами и крошечными коробочками. На подоконнике росла герань. В углу, на низкой тумбочке, сидел чёрный кот с белыми носочками и без любопытства разглядывал Эклера, высунувшего нос из переноски.

— Моисей, — представил кота Самсон Маркович. — Старый. Он видел всё. И ничего никому не рассказывает.

— Как удобно, — сказал Андрей.

— Не говорите. — Старик сел, сложил руки на столе. — Итак. Двадцать девятого декабря. Молодой человек пришёл без пяти шесть. Забрал кольца. Я показал, что готово, он проверил, остался доволен. Расплатился. Я упаковал в коробочку. Вот такую.

Он достал из ящика маленькую квадратную коробочку из тёмно-синего бархата.

— Такие же?

— Такие же, один в один. Это образец.

— Он ничего не просил изменить?

— Как же, просил. — Самсон Маркович улыбнулся. — Знаете, что самое трогательное? Он вернулся.

— Вернулся?

— Да. Я уже закрывал дверь, он вошёл обратно. Запыхавшийся, красный. Сказал: «Самсон Маркович, пожалуйста, добавьте на мой ринг одну надпись. Внутри. Только очень мелко».

— Какую надпись?

— Цифры и буква. «17-Б».

— И всё?

— И всё. Я, конечно, удивился. Спросил: «Это дата?» Он ответил: «Нет. Это шифр. Для жены». Я хотел отказаться, у нас тонкая работа, но он так просил. Заплатил втрое. Я сделал. Прямо при нём, на станочке. Минут за десять.

— А потом?

— Потом он ушёл. В шесть двадцать.

— Один?

— Один. Но я вышел на крыльцо. Проводить, как у нас принято. И видел…

— Что?

Самсон Маркович помолчал.

— Чёрную машину. Большую, дорогую. Она стояла у тротуара, чуть дальше, у аптеки. Когда молодой человек проходил мимо, дверь открылась. Вышел человек. Высокий, плотный, в тёмной куртке. Что-то сказал. Глеб остановился. Потом они вместе сели в машину.

— Он сам сел?

— Я бы сказал… — Старик замялся. — Нет. Я бы сказал, его пригласили.

— Силой?

— Нет. Тихо. Как приглашают в гости. Но у меня было такое ощущение, как у человека, который видит, что кто-то кладёт руку на плечо, и знает, что рука тяжёлая.

— Вы запомнили номер?

— Нет. Плохое зрение. Но запомнил марку. Чёрный «Лексус». Новый.

Андрей записал.

— Камеры у вас есть?

— Две. Одна над дверью, вторая над прилавком.

— Запись сохранилась?

— Я отдал полиции. Но у меня есть копия. Моисей любит смотреть записи по вечерам.

Мы засмеялись. Это было неожиданно, и от этого стало на секунду легче.

В соседней комнате Самсон Маркович включил старый монитор. Запись была чёрно-белая, зернистая, но вполне разборчивая. Вот Глеб входит, улыбаясь, с рюкзаком за плечами. Вот он берёт коробочку, открывает, смотрит на кольца. Лицо у него такое, что у меня защипало в глазах. Вот он выходит, поворачивается, возвращается, что-то быстро говорит. Старик берёт кольцо, зажимает в тиски…

— Остановите, — сказала я.

Самсон Маркович нажал паузу.

— Вот здесь. Что он делает?

На экране Глеб, стоя у прилавка, доставал из кармана что-то маленькое и протягивал ювелиру.

— Это что?

— Клочок бумаги. Он написал на нём цифры. Чтобы я не ошибся.

— У вас сохранилась бумажка?

— Вот. — Старик вынул из ящика бумажку в клеточку, вырванную из блокнота, и подал мне.

Почерк Глеба. Я узнала его сразу: круглые, аккуратные буквы, ровные строчки, привычка ставить точку после каждой цифры. «17.Б.» И ниже, мелко, почти неразборчиво, как делают, когда торопятся: «Катя поймёт».

— «Катя поймёт», — прочитала я вслух.

— Я не поняла, — тихо сказала Катя. — Я не знаю, что

это.

— Зато он знал, что ты поймёшь. Подумай. Семнадцать, Б. Дело? Номер? Дата? Квартира?

— Я не знаю.

— Подумай.

Катя закрыла глаза. Лицо её стало напряжённым, чуть побледнело. Потом она открыла их.

— Архив.

— Что?

— Глеб подрабатывал в городском архиве. Оцифровывал дела. Там у них дела нумеруются так: номер дела и литера. «Семнадцать-Б». Он что-то нашёл.

— Что?

— Не знаю. Он последние две недели ходил какой-то странный. Говорил: «Катя, я наткнулся на такое, что… ладно, потом расскажу».

— И не рассказал.

— Нет. Сказал: «После свадьбы. Чтобы не портить настроение».

— Идём, — сказал Андрей.

Мы поблагодарили Самсона Марковича. Он проводил нас до двери, пожал мне руку обеими ладонями, сухими, тёплыми, как печёное яблоко.

— Найдите его, барышня, — сказал он тихо. — Он хороший мальчик. Такие редко приходят в мою лавку. Обычно люди покупают кольца, чтобы доказать, а он покупал, чтобы

любить.

— Мы найдём.

— Я верю. У вас кот хороший. Умный.

Эклер, услышав комплимент, зажмурился и важно мяукнул.

Моисей, сидевший на подоконнике, сделал вид, что ничего не слышал.

Глава 3. Дело 17-Б

Городской архив Н-ска располагался в бывшем здании земской управы, массивном жёлтом особняке с колоннами, облупившейся лепниной и чугунной лестницей, на ступенях которой хромые студенты тридцать лет назад писали курсовые. Внутри пахло старой бумагой, мышами и сыростью, и от этого запаха у меня всегда возникало странное чувство: смесь трепета и уюта.

Нас встретила заведующая, Раиса Фёдоровна Малышева, худая, высокая, в коричневом свитере и тёмной юбке до пола. Волосы у неё были собраны в тугой пучок, на носу сидели круглые очки, а в руках она держала чашку с таким видом, будто это не чай, а реликвия.

— Вы по поводу Глеба? — спросила она сразу. — Я так и думала. Катя звонила. Проходите.

Мы поднялись на второй этаж, в небольшую комнату, заставленную стеллажами с коробками. В углу, за столом с компьютером и сканером, был рабочий уголок Глеба. Остался чайник, кружка с надписью «Лучший оцифровщик»,

стопка закладок и недоеденная плитка шоколада.

— Он у меня пять месяцев, — сказала Раиса Фёдоровна. — Хороший мальчик. Ответственный, аккуратный. Нашёл три ошибки в нашей описи, которые мы не замечали двадцать лет.

— Над чем он работал в последнее время?

— Над коллекцией «Земельные дела, 1990–2000». Приватизация, наделы, кооперативы. Скучный материал, но он увлёкся. Говорил, что это детектив.

— Дело семнадцать-Б вам что-нибудь говорит?

Она нахмурилась.

— Семнадцать-Б… Да. Это Центральный рынок. Земельный участок. Девяносто шестой год.

— Можно посмотреть?

— Конечно. Хотя… — Она запнулась. — Странно.

— Что?

— На прошлой неделе дело запрашивали. Не Глеб. Другой человек.

— Кто?

— Не представился. Пришёл в тридцатом декабря, на следующий день после исчезновения Глеба. Высокий, в тёмном пальто. Сказал, что из администрации, по поручению Рафаэля Аркадьевича Гордеева. Это заместитель главы по строительству. Я ему сказала, что дело на оцифровке, он потребовал оригинал. Я отказалась. Он ушёл, но сказал, что вернётся с официальным письмом.

— Вы ему дали?

— Нет. — Она слегка гордо вздёрнула подбородок. — Я двадцать восемь лет хожу в этот архив. У нас порядок. Без письма я не выдаю.

— Умница, — сказал Андрей.

— Это не умница. Это инструкция. — Она открыла металлический шкаф, достала серую картонную папку. — Вот оно.

Мы разложили на столе документы. Дело 17-Б оказалось толстым, пожелтевшим, перевязанным тесёмкой. Внутри лежали протоколы, акты, решения, постановления, схемы, заявления. Я быстро просматривала страницы, привычно отмечая то, что видит корректор: подписи, даты, печати, шрифты.

— Тут что-то не так, — сказала я через пять минут.

— Что?

— Посмотрите на даты. Вот постановление о передаче земли кооперативу «Рассвет». Пятнадцатое марта девяносто шестого. А вот акт приёмки участка. Двенадцатое марта. На три дня раньше.

— Ошибка?

— Не думаю. — Я взяла лупу. — Смотрите на цифры. «Двенадцатое» исправлено. Раньше было «двадцать пятое». Кто-то переправил «два» на «один» и «пять» на «два». Видите? Следы стёртого.

— То есть дату подделали.

— Да. И вот ещё. — Я перевернула страницу. — Договор аренды, подписанный председателем кооператива. Подпись Слепнёв А. И. А в акте приёмки тот же Слепнёв, но подпись другая. Здесь «С» с завитком, там без.

— Подделка подписи?

— Возможно, их писали разными руками.

— Нина, — тихо сказал Андрей. — Что это значит?

— Это значит, что кто-то в девяносто шестом году оформил землю Центрального рынка на фиктивный кооператив, чтобы потом перепродать. А когда Глеб оцифровывал дело, он увидел несоответствия.

— И сказал кому-то.

— Или не сказал, но кто-то узнал.

— Раиса Фёдоровна, — спросила я. — Кто такой Гордеев?

— Рафаэль Аркадьевич? — Она поправила очки. — Это человек, который сейчас планирует снести Центральный рынок и построить на его месте торговый центр. Проект «Гордеев-Плаза». Он очень влиятельный. Его проект утвердили месяц назад, но жители возражали, были митинги. А потом всё как-то затихло.

— В девяносто шестом ему было…

— Он тогда работал в земельном комитете. Начальником отдела.

Я переглянулась с Андреем.

— Приём, — сказала я.

— Вот именно.

— То есть в девяносто шестом он оформил землю на подставной кооператив, а теперь строит на ней торговый центр.

— А кто-то может доказать, что земля не принадлежит ему.

— Глеб.

— Вот почему он исчез.

Раиса Фёдоровна, до этого молчавшая, вдруг тихо охнула и прижала ладонь к губам.

— Господи, — прошептала она. — Я думала, это просто бумаги.

— Это не просто бумаги, — сказала я. — Это чьё-то состояние.

Катя стояла у окна, бледная, прижав руки к груди. Эклер, выбравшийся из переноски, сидел на подоконнике рядом с ней и смотрел на улицу.

— Нина Сергеевна, — прошептала она. — Они его убьют?

— Нет.

— Почему вы так уверены?

— Потому что они не знают, что он успел. — Я подняла папку. — Если бы убили сразу, не стали бы приходить за делом через день. Они хотят, чтобы он сказал, где копии.

— Какие копии?

— Те, которые он сделал. Глеб оцифровывал это дело. У него есть электронные копии. Где-то на компьютере или в облаке. — Я посмотрела на рабочий стол. — Раиса Фёдоровна, можно проверить его компьютер?

— Пожалуйста.

Мы включили. Экран загорелся, запросил пароль.

— Не знаю, — сказала заведующая.

— Катя?

— Он… — Она задумалась. — Он ставил пароли смешные. «Катя-котик-2027». Или «Эклер-вперёд». Или…

Я набрала «Эклер-вперёд». Не подошло. «Катя-котик-2027». Тоже нет.

— Может, цифры? Дата свадьбы?

— Четырнадцатое февраля.

Я набрала «14022027». Ошибка.

— Нина, — тихо сказала Катя. — Он научил меня одной вещи. Всегда придумывать пароль, который можно прочесть вслух, как фразу.

— Например?

— «Вместе, а не врозь».

— Попробуем.

Я набрала. Экран мигнул. Загрузился рабочий стол.

— Получилось! — выдохнула Катя.

На экране были десятки значков, папок, файлов. Одна называлась «Свадьба». Другая «Работа». Третья «17-Б. Копия». Я щёлкнула по ней.

В папке лежало сорок семь сканов, пронумерованных, подписанных. А в самом конце, в отдельном файле, текстовый документ. Назывался «Если что».

Я открыла.

«Катя, если ты это читаешь, значит, я не успел рассказать. Прости. Я нашёл в архиве дело, из которого ясно, что Гордеев в девяносто шестом году украл землю рынка. Я сделал копии. Оригинал спрятал там, где можешь найти только ты: помнишь, где мы впервые поцеловались? Не в кино, а в другом месте. Я там оставил то, что нужно. Береги себя. Люблю. Г.»

Катя читала, и по щекам её текли слёзы, но лицо оставалось неподвижным.

— Где вы впервые поцеловались? — спросил Андрей.

— Не в кино, — прошептала она. — В библиотеке. В читальном зале. За стеллажом с поэзией. Мы оба искали один и тот же сборник.

— В какой библиотеке?

— В городской. На Пушкинской.

— Едем.

Глава 4. Стеллаж с поэзией

Городская библиотека на Пушкинской была закрыта на новогодние каникулы. Двери заперты, окна тёмные, на крыльце толстый слой нетронутого снега. Мы позвонили в служебный вход, и через минуту нам открыла пожилая вахтёрша в вязаной шапочке, которая, услышав слово «Катя», сразу всплеснула руками:

— Катюша! Милая, заходи! Что случилось?

— Тётя Вера, нам нужно в читальный зал.

— Сейчас?

— Очень.

— Проходите, конечно. Только свет у нас сэкономленный.

Читальный зал оказался огромным высоким помещением с лепными потолками, дубовыми столами, зелёными лампами и бесконечными рядами стеллажей. Пахло старыми книгами, воском и лёгкой пылью. Катя шла впереди, уверенно, как человек, который знает дорогу с закрытыми глазами. Мы миновали отдел периодики, отдел классики, повернули направо и остановились у длинного стеллажа с надписью «Поэзия XX века».

— Здесь, — сказала Катя. — Третья полка сверху. Блок, «Стихи о Прекрасной Даме». Мы оба потянулись одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.